

30.06.2016

Зачем Турция мирится с Россией и Израилем

Павел
Шлыков

Примирение с Россией и Израилем сейчас важно для Турции потому, что эти страны в отличие от Запада никогда не переживали из-за авторитарных тенденций в турецкой внутренней политике. Но вот оптимистичные ожидания от вывода российско-турецких отношений на докризисный уровень едва ли оправдаются в ближайшем будущем

Впервые за семь месяцев между Владимиром Путиным и Реджепом Эрдоганом состоялся телефонный разговор, причем такой, который описывали уже подзабытыми клише «продуктивный» и «позитивный». Начало нормализации российско-турецких отношений символично совпало с трагедией в Стамбуле – терактом в аэропорту Ататюрка. Насилие и гибель мирных граждан за последний год стали частью повседневной жизни Турции. На этом фоне примирение с Россией и Израилем выглядит как отчаянная попытка вернуться к позитивной повестке дня. Но едва ли Турции в ближайшее время удастся реализовать все потенциальные выгоды от новой разрядки.

На военном положении

Турция сейчас окончательно превратилась в страну на военном положении – тут достаточно взглянуть на количество жертв терактов с начала 2015 года, оно уже давно исчисляется четырехзначными цифрами. Ситуация в экономике тоже тяжелая. Официальные показатели вроде бы неплохие – 4,8% роста ВВП за первый квартал 2016 года, лучше самых оптимистичных прогнозов. Но главный фактор – краткосрочное и вынужденное увеличение государственных расходов.

В увеличении турецкого ВВП сложились рост расходов на здравоохранение (на 22%), потому что пришлось лечить сотни раненных в результате спецопераций и многочисленных терактов, на оборону (более 40%), на проведение самих спецопераций (17%). Мобилизация тысяч солдат и полицейских, тяжелой военной техники, вертолетов – все это легко увеличило военные расходы Турции вдвое.

Главным двигателем экономического роста Турции стали антитеррористические операции, борьба с боевиками Рабочей партии Курдистана и так далее. Турция вышла в мировые лидеры по количеству прибывающих на ее территорию террористов и мигрантов. Расходы на беженцев, которые Эрдоган оценил в \$20 млрд, – еще один источник высоких показателей экономического роста. А впереди огромные бюджетные траты на восстановление городов, разрушенных в ходе спецопераций на юго-востоке Турции. Это совсем другая модель экономического развития, где рост и снижение безработицы обеспечиваются не притоком инвестиций и увеличением экспорта, а борьбой с терроризмом и его последствиями.

И это лишь один из аспектов, наименее заметный внешним наблюдателям, непростого положения, в котором оказалась Турция. Кризис признает и сам Эрдоган, описавший сложившуюся в стране ситуацию как «пожар». Бывший президент Гюль вообще заявил, что Турецкая Республика переживает самые тяжелые времена в своей новейшей истории.

Кризис охватил почти все сферы – от экономики до внешней политики. Он все больше проявляется в падающей эффективности работы государственных институтов. Соцопросы показывают, что турки все меньше уверены в будущем и все острее ощущают исчерпанность проекта общественного развития. Причем как кемалистского, так и консервативно-демократического, который олицетворял собой режим Эрдогана в 2000-е годы. Возможно, именно этим стремлением выйти из замкнутого круга турецкой политики объясняется всплеск популярности курдского политического движения с его идеей всеобщей демократии. Неслучайно именно в курдах и курдских политиках Эрдоган видит главную угрозу.

Курдский фактор во многом стал определяющим не только для турецкой, но и в целом для ближневосточной политики. Множатся сообщения о турецких вертолетах, сбитых современными ПЗРК, которые оказались в руках у Рабочей партии Курдистана, – ситуация, ранее казавшаяся невозможной. Курдское ополчение все активнее действует на севере Сирии. Еще более впечатляющими выглядят успехи курдов в наступлении на позиции ИГИЛ (запрещено в РФ). Курдский фактор в Турции сейчас ищут везде, вплоть до того, что его рассматривают чуть ли не главной причиной, заставившей Эрдогана отправить Путину послание с соболезнованиями и извинениями за трагедию 24 ноября.

Трудности перевода

Обращение Эрдогана к Путину, опубликованное лишь фрагментарно в переводе на русский пресс-службой Кремля, стало сенсацией и для российских, и для западных СМИ. Однако вскоре выяснилось, что интерпретация турецкого послания в России и в Турции серьезно отличается, ведь Эрдоган не так давно говорил, что ни при каких обстоятельствах не принесет России извинений, потому что та сама виновата в трагедии над турецко-сирийской границей. В результате пресс-секретарь Эрдогана Ибрахим Калын заявил, что российская сторона восприняла «слова сожаления» как «извинения», а турецкий премьер Бинали Йылдырым специально пояснил, что Анкара имела в виду компенсации не России за сбитый самолет, а лишь семье погибшего летчика.

Такие разночтения несколько смазали эффект от послания Эрдогана, а некоторые даже дошли в своих поисках подвоха до абсурдных заключений, что извинений вовсе не было. На самом деле использованное в письме выражение «kusura bakma» означает просьбу «извинить» (достаточно обратиться к наиболее авторитетному из издаваемых в Турции словарей «Redhouse» или же толковому двухтомнику, выпущенному Турецким лингвистическим обществом). Правда, эта форма извинения разговорная и далека от привычных официальных дипломатических клише.

Проблема в другом – кому адресовались извинения. Турция выбрала наиболее комфортную для себя форму – Эрдоган выразил соболезнования семье погибшего российского летчика Олега Пешкова. Именно на это обращал внимание журналистов пресс-секретарь Эрдогана Ибрахим Калын. Но письмо было направлено президенту Путину, именно к нему прежде всего обращал свои соболезнования и извинения Эрдоган. И вопрос в том, насколько российского президента устроило столь лукавое исполнение первого из условий нормализации отношений.

Телефонные переговоры Путина и Эрдогана показали, что Кремль счел текст послания достаточным для начала диалога. Почему? Путин смог добиться от Эрдогана того, что хотел, – возможности определять параметры восстановления отношений на своих условиях. Вероятно, эти параметры как раз и будут обсуждать министры иностранных дел России и Турции в кулуарах саммита Организации черноморского экономического сотрудничества в Сочи.

Очевидно, трудный диалог будет проходить в форме торга – привычном для Турции и столь неуютном для большинства ее партнеров и союзников («торговец коврами» – так об агрессивной манере Эрдогана отзывались европейские чиновники еще в начале 2000-х годов, а российские бизнесмены называли турецкий энергетический рынок «восточным базаром»). Фактически этот торг уже начался, пока его основной предмет – компенсации, однако вопросов, по которым требуется найти компромисс, гораздо больше: как снимать санкции, как разрешить разногласия по энергетическому сотрудничеству, как вывести за рамки нормализации отношений диаметрально противоположные позиции стран по сирийскому кризису.

Пересмотр принципов

За сенсационным сообщением об извинениях Эрдогана гораздо меньше внимания досталось другому внешнеполитическому прорыву Анкары – соглашению о восстановлении дипотношений между Турцией и Израилем. Конечно, новость о примирении Анкары и Тель-Авива была куда менее неожиданной, чем письмо с извинениями. Традиционная в таких случаях подготовка общественного мнения была проведена с обеих сторон. Задолго до соглашения недвусмысленные сигналы о грядущей разрядке можно было легко заметить в заявлениях турецких и израильских политиков. Израильский премьер Нетаньяху на встрече с госсекретарем США Джоном Керри 27 июня открыто заявил, что соглашение с Турцией будет иметь колоссальное значение для экономики Израиля.

При этом в словах и тоне Нетаньяху не было ни намека на сдачу позиций. Израильский премьер демонстративно не стал благодарить президента США за помощь в примирении с Турцией, чтобы подчеркнуть, что нынешняя ситуация отличается от событий марта 2013 года. Тогда Обама заставил Нетаньяху позвонить Эрдогану и принести официальные извинения за гибель десяти турецких граждан во время штурма «Флотилии свободы».

В 2010 году силовой захват Израилем турецких активистов, которые пытались демонстративно прорвать блокаду сектора Газа на судне Mavi Marmara, перечеркнул выстраивавшиеся не одно десятилетие тесные партнерские отношения между Анкарой и Тель-Авивом. После трагических событий на Mavi Marmara Анкара предъявила Израилю три условия нормализации отношений: официальные извинения, выплата компенсаций за погибших и снятие блокады Газы.

Слова соболезнования и извинения в телефонном разговоре Эрдогана и Нетаньяху в марте 2013 года действительно были дипломатической победой Турции. Но в заключенном сейчас соглашении о восстановлении дипотношений Турция уже не выглядит победителем. Наоборот, из-за нарастающей международной изоляции Анкара готова идти на компромиссы, которые еще два-три года назад казались немыслимыми. Ведь в рамках соглашения Израиль не выполняет главного условия Турции – не снимает блокаду Газы. Конечно, Турция получила право осуществлять в секторе Газа инфраструктурные проекты, строить больницы, развивать местную энергетику. Однако все это означает, что шесть лет противостояния прошли зря – обе страны могли достигнуть аналогичных договоренностей гораздо раньше.

Турецко-израильское примирение выглядит скорее как попытка прорвать кольцо международной изоляции, сжимающееся вокруг Турции в последние месяцы, обернуть вспять навязшую в зубах формулу «ноль соседей без проблем». Есть и еще одно важное обстоятельство: решение разрядить напряженность с Израилем даже ценой ревизии отстаиваемых принципов – это сигнал о грядущем изменении внешнеполитической тактики Анкары, отказ от бескомпромиссных ценностно-ориентированных подходов в пользу более гибких и прагматичных.

Новый курс?

Письмо Эрдогана Путину – это шаг того же порядка, что и «сделка с Израилем», как ее уже окрестили политические оппоненты Эрдогана. В нем есть и стремление переломить нарастающую международную изоляцию, и попытка пересмотреть «принципиальные позиции» в пользу политического прагматизма. Момент для разрядки выбран тоже правильный – речь, конечно, не о стамбульской трагедии, – растет напряженность в отношениях с Брюсселем и непонимание со стороны США, вызванные авторитарными тенденциями в Турции. Ведь ни Москва, ни Тель-Авив традиционно не предъявляли претензий к Анкаре в вопросах внутривнутриполитической жизни. И в этом смысле турецко-израильские и турецко-российские отношения всегда были воплощением прагматизма.

Для Турции восстановление отношений с Россией и Израилем не только большой портфель контрактов для турецкого бизнеса, но и геополитические выгоды, эффект от которых вполне может повлиять на политический климат на Ближнем Востоке. Ведь вслед за ревизией принципиальных позиций в отношениях с Израилем и Россией от Турции вполне можно ожидать и шагов в сторону режима Башара Асада (и здесь курдский фактор сыграет определяющую роль).

Но вот оптимистичные ожидания от вывода российско-турецких отношений на докризисный уровень едва ли оправдаются в ближайшем будущем. Крупные энергетические проекты – «Турецкий поток» и АЭС «Аккую» – быстро возобновить не получится. Достаточно сказать, что «Газпром» сейчас судится в международном арбитраже со своим турецким партнером госкомпанией «Боташ» из-за непредоставленных скидок, а «Росатом», формально не приостанавливая согласованный проект АЭС «Аккую», в бюджете на текущий год не предусмотрел на его реализацию необходимых ассигнований.

Приток турецких овощей, эмбарго с поставок которых снимут в ближайшие дни, будет мало востребован в России летом, когда хватает и более дешевых местных продуктов. На восстановление туристического потока потребуется не один месяц, а до конца высокого сезона осталось не так много времени, так что примирение с Россией вряд ли серьезно смягчит катастрофический спад на турецком туристическом рынке.

Зато нормализация отношений с Россией и Израилем принесет турецкому руководству серьезные дивиденды во внутренней политике. Ведь оба примирения – это, помимо прочего, еще и попытка продемонстрировать новый внешнеполитический курс правительства Бинали Йылдырыма, который обещал работать на улучшение отношений со странами региона. А всю ответственность за прошлые неудачи теперь можно переложить на бывшего премьера Ахмета Давутоглу, заодно будет чем объяснить его почти скандальную отставку.

Ускорить уже наметившийся во внешней политике Турции разворот может последний теракт в стамбульском аэропорту – одном из крупнейших и самых охраняемых в Европе. Раньше мишенью боевиков были конкретные социальные группы: теракты в Диярбакире, Суруче и Анкаре были направлены против левых и прокурдских активистов, две акции в Стамбуле должны были запугать иностранных туристов. Теперь террористы атаковали простых граждан – террористический фронт

больше не локализован ни географически, ни идеологически. Все это может заставить правительство Турции пересмотреть свою позицию по отношению к ИГИЛ и начать активнее взаимодействовать в этом вопросе с западными союзниками и Россией. Более того, превращение ИГИЛ в главную угрозу безопасности Турции неизбежно заставит турецкое руководство искать несиловое решение курдского вопроса. Так что нельзя исключать, что примирение с Израилем и Россией – это только начало принципиально нового этапа в турецкой политике.

Источник <http://carnegie.ru><http://carnegie.ru/commentary/2016/06/30/ru-63971/j2nk>